

Научная статья
УДК 94(470.21)(049.32)
doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.015

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ П. В. ФЁДОРОВА «РОССИЯ, ОКРУЖЁННАЯ ВОДОЙ: ОБЗОР ИСТОРИИ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА. 1216–1991»

Игорь Борисович Циркунов

Независимый исследователь, Мурманск, Россия, murman.60@mail.ru

Аннотация

Рецензия на книгу профессора П. В. Фёдорова состоит из двух частей — книговедческого анализа и историко-культурологического. В первой, книговедческой части рассматривается, само издание как материальный объект с характеристикой его физических параметров. Исследуется архитектура книги, ее структурные нарушения, издательские недочеты в виде деструктивного использования алфавита русского языка в письменной речи, что связано с когнитивными тонкостями восприятия текста и приводит к искажению информации и понимания. Книговедческий анализ структуры издания показал, что исследуемый объект является сборником текстов, который содержит произведения нескольких авторов. Титульный автор фактически является автором-составителем.

Вторая часть рецензии на книгу П. В. Фёдорова представляет собой историко-культурологический анализ. Рассматривается основа модели исторического анализа, которая преобладает в книге и во многом повторяет старую классическую. Предложена иная схема анализа представленного обзора истории Кольского полуострова, обсуждается возможность ее вариантного конструирования. Определяется место и роль книги в мурманском краеведении и историографии как самостоятельного явления в истории изучения Кольского Севера.

Ключевые слова:

книговедческий анализ, архитектура книги, историко-культурологический анализ, модель истории, Кольский полуостров, П. В. Фёдоров

Благодарность:

статья опубликована при содействии Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук

Для цитирования:

Циркунов И. Б. Рецензия на книгу П. В. Фёдорова «Россия, окружённая водой: обзор истории Кольского полуострова. 1216–1991» // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2025. Т. 4, № 4. С. 143–158. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.015.

Original article

THE BOOK REVIEW P. V. FEDOROV “RUSSIA SURROUNDED BY WATER: AN OVERVIEW OF THE HISTORY OF THE KOLA PENINSULA. 1216–1991”

Igor B. Tsirkunov

Independent Researcher, Murmansk, Russia, murman.60@mail.ru

Abstract

The book review Professor P. Fedorov consists of two parts — book analysis and historical and cultural one. In the first book analysis part, firstly, the publication itself is considered as a material object with a characteristic of its physical parameters. The architectonics of the book, its structural violations, publishing shortcomings in the form of the destructive use of the Russian alphabet in written speech, which is related to the cognitive subtleties of text perception and leads to distortion of information and understanding which leads to cognitive subtleties of perception of the text and understanding, are studied. Book analysis has shown that the studying object is a collection of texts that contains works by several authors. The title author is actually the author-compiler. The second part of the review of the book by P. V. Fedorov is a historical and cultural analysis. The basis of the historical analysis model that prevails in the book and largely repeats the old classical one is considered. A different scheme of analysis of the presented review of the history of the Kola Peninsula is proposed, the possibility of its variant construction is discussed. The place and role of the book in Murmansk regional studies as a phenomenon in the history of studying and understanding the history of the Kola Nord is determined.

Keywords:

book analysis, book architectonics, historical and cultural analysis, model of history, Kola Peninsula, P. V. Fedorov

Acknowledgments:

the article was published with the assistance of the Center for Humanitarian Problems of the Barents Region of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

For citation:

Tsirkunov I. B. The Book Review Professor P. V. Fedorov “Russia surrounded by water: a review of the history of the Kola Peninsula. 1216–1991” // Proceedings of the Kola Science Center of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities. 2025. Vol. 4, No. 4, P. 143–158. doi:10.37614/2949-1185.2025.4.4.015.

Введение

Монографическое исследование Павла Викторовича Фёдорова, профессора, доктора исторических наук, известного на Северо-Западе России историка, североведа и культуролога, заслуживает наивысших похвал. Прекрасная, объемная и глубокая работа. Великолепный стиль изложения. От чтения испытываешь удовольствие.

Книга вышла в серии «Арктический фасад России» под эгидой научной лаборатории геокультурных исследований и разработок Международного банковского института им. Анатолия Собчака; издана при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

Возможно, для неофитов Мурмана и Кольского полуострова эта книга представится чем-то вроде учебника по истории Кольского Заполярья «родного», точнее, неродного края. Для краеведов-любителей этот труд, скорее всего, может стать объектом нападков, но не критики, так как ссылки на их разработки и находки, да и упоминания их поисковых работ, почти отсутствуют. Историки-профессионалы, наверное, смогут аргументированно выразить свои критические замечания по некоторым темам, недостаточно глубоко раскрытым, по их мнению.

Россыпь благожелательных эпитетов вряд ли будет интересна читателю. Можно предположить, что и автору книги такой подход вряд ли понравится. Для исследователя гораздо интересней и продуктивней познакомиться с критическим анализом его работы как попыткой условного деструктивного освоения предложенного им знания.

С позиций когнитивной социологии важно понять, какой образ истории Кольского полуострова получился у автора книги. С аналитической точки зрения необходимо определить, какими средствами автору удалось описать им самим созданный образ. Эстетически следует разобраться, какие стороны этого образа автор выписал наилучшим способом, в каких местах не дотянул до целостности и/или убедительности в описании обзора истории Кольского полуострова, а что, может быть, упустил или только едва намечил.

Часть 1. Книговедческий анализ

Книговедческую часть следует написать по двум основаниям. Во-первых, несмотря на приличный, по нынешним меркам, тираж специальной научной литературы, он скоро может разойтись, и книга станет библиографической редкостью. Во-вторых, книгу следует описать, потому что, на наш взгляд, она знаменует собой определенную веху в мурманском краеведении. Веха эта выражается и в научном значении книги, и в материальном представлении. Выход книги П. Фёдорова в свет, вместе с изданием монографии С. Никонова «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался» в 2020 году, определяет новый этап в истории мурманского краеведения. Первый этап можно охарактеризовать как публицистический и фрагментарный. Второй этап отличается системным, фундаментальным изложением и начинается с публикаций основных трудов профессоров И. Ф. Ушакова и А. А. Киселёва. Третий этап новейших исторических и историко-краеведческих исследований связан с именами молодых профессоров П. В. Фёдорова и С. А. Никонова. Материальным представлением новой вехи мурманского краеведения является сама книга П. Фёдорова, описание которой мы приведем ниже.

В задачу любого критического анализа входит непреложное правило — избежать «вкусовщины», не оценивать с позиции, что нравится или не нравится самому критику. В нашем случае, несмотря на то, что предмет критики нравится рецензенту, попробуем проанализировать форму подачи книгоиздательской продукции, структуру самой книги, ее архитектуру как единого объекта познания и саму книгу как объективное явление научной и социальной действительности.

Книга представляет собой весомый том, до фолианта немного не дотягивает, форматом 60×90/16 доли листа. Объем — 726 страниц, черно-белой печати (1 + 1), с иллюстрациями соответствующего цвета оттиска. Только 2- и 3-я страницы запечатаны красным цветом, полученным сочетанием пурпурного (Magenta) и желтого (Yellow) цветов в системе СМΥК. Печать офсетная. Бумага офсетная, белая, скорей всего, на ощупь, 90 гр/м². Книга собрана тетрадками, сшитыми белыми нитками. Каптал — белый. Форзац с печатью, изображающий морские волны. Переплет цельнобумажный (7БЦ), печать на переплете цветная (4 + 0), фрагмент картины «Бухта на Мурманском побережье» первого полярного художника А. А. Борисова, с припрессовкой матовой пленки. Матовая

пленка придает деловой характер книге, поверхность не бликует, не мешает рассмотреть ее издали и вблизи, излишний глянец ни к чему серьезной литературе. Скругленный корешок напоминает о старинных традициях книгопечатания и тайных знаниях, которые могут открыться вдумчивому читателю. Тираж для такого весомого научного произведения по нынешним временам значительный — 700 экземпляров.

Качество офсетной печати очень хорошее. Вопросов к полиграфистам нет. По крайней мере, мой экземпляр книги, подаренный автором — Павлом Викторовичем Фёдоровым, безупречный.

Выбор формата для такого объема книги, твердый переплет, исполненный в светлых тонах с яркими охристыми мазками в репродукции картины, воспроизведенной в оформлении переплета, использование спокойного шрифта с засечками, плавный переход с занижением кегля в наборе названия книги на переплете, подбор и качественная обработка иллюстративного материала — добрый показатель профессиональной работы технического редактора с художественным видением оформления книги. Книга начинается скромным авантитлом без изображений. Титульный лист и фронтиспис весьма лаконичны, без графического материала, образуют лицевой разворот. На нем на английском и русском языках отпечатаны красным цветом фамилия и инициалы автора, название книги, место и год издания. Первый шмуцтитул пустой, иллюстраций нет, но есть посвящение. Еще четыре шмуцтитула предваряют четыре раздела исследования профессора. Они лаконичны, но информативны, поддерживают хронологию каждый своего раздела. На эти шмуцтитулы издатели не пожалели бумаги. Шмуцтитулы отделены двумя спусковыми полосами — перед каждым и на оборотной полосе шмуцтитула. Концевая страница содержит не все предвыпускные и выпускные данные издания. Например, издатели не продублировали ISBN, видимо, посчитали, что достаточно одного упоминания на первых страницах книги, но четко обозначили первую строку: «Научное издание».

В книге представлено большое количество фотографий. Это и значительная фотогалерея исторических персонажей, которые в той или иной мере были связаны с Кольским полуостровом, это и фотопортреты историков, внесших научный вклад в изучение истории нашего края, это и жанровые фотоизображения, ландшафтные и отдельных объектов. Объединяющим для этих фотоиллюстраций является то, что каждое изображение, используемое в книге, является фотодокументом. Следует специально обратить внимание на расширенные подписи под большим числом фотографий. В книге можно встретить иллюстрации в виде репродукций картин известных художников и из запасников музеев. Встречаются карты, но их могло быть и больше. Цифровая информация в книге представлена в виде таблиц и графиков, что весьма продуктивно для независимого исследователя.

Название книги сложное, как и содержание, и, самое главное, задачи автора и его книги соответствуют названию. Точнее, сложность задачи исследования отражена в названии «Россия, окружённая водой: обзор истории Кольского полуострова. 1216–1991». История Кольского полуострова не столь уж необъятна в сравнении с областями и регионами России, расположенными южнее. Бросается в глаза протяженный период времени, без малого восемь столетий, которому посвящено исследование. Как известно, историки работают в своих строго определенных временных рамках. В истории изучения истории Кольского полуострова, начиная с профессоров И. Ф. Ушакова и А. А. Киселёва, сложились два больших не равнозначных по временным этапам периода истории — дооктябрьский и советский. Историки стараются не пересекать границы временных эпох, и каждый работает в «своем времени». Профессор П. В. Фёдоров работает в обеих эпохах истории Кольского полуострова как историк и северовед. Этим можно объяснить аккуратное слово «обзор» в названии книги. Обзор истории — это и щит историку, и условный «инструмент» для анализа североведу.

Теперь можно обсудить первую часть названия книги. Во время презентации книги ее автор признался, что долго не мог найти ей название. «Россия, окружённая водой...», безусловно, — метафора, если книга не посвящена вопросам географии. Действительно, Россию окружают воды трех океанов. Кольский полуостров, как и любой другой полуостров, с трех сторон омывают воды двух морей. В географическом смысле Кольский полуостров можно рассматривать как микромодель России. В историческом плане не все так однозначно и потому, что история России значительно раньше началась, да и по картине событий и процессов несоизмерима с таким отдаленным и малонаселенным полуостровом. Метафора в названии книги, видимо, скрывает сакральный смысл грандиозного

будущего России. Россия так молода, что она все еще находится в купели и перед ней скоро откроются перспективы и горизонты будущей истории. Кольский полуостров тоже в купели, он неразрывно связан с Россией, с ее историей и будущим развитием. Возможно, есть и другие интерпретации метафоры названия книги.

В плане архитектоники издание представляет собой сложную конструкцию. В ней под одной переплетной «крышкой» находятся не одна книга, а две. Кроме того, в этой большой книге размещены еще несколько произведений, причем некоторые из них не принадлежат ее автору П. В. Фёдорову. Если внимательно рассмотреть архитектуру большой книги, то можно увидеть авторскую логику ее построения, структурную и смысловую взаимосвязанность произведений, размещенных в ней.

Только на первый взгляд, прочитав письмо В. Н. Птицына, бывшего первого секретаря Мурманского обкома КПСС, написанное в ответ на послание Павла Викторовича, которое открывает большую книгу, можно посчитать, что этот авторский прием напоминает эдакое «книжно-издательское дзуйхицу». Как в возникшем когда-то в Японии жанре короткой прозы, когда автор записывает все, что ему приходит в голову, русский автор, не задумываясь, как бы в японской манере, решил начать свою книгу с ответного письма. Но это только первое впечатление. Содержание ответного письма и вся архитектура большой книги говорит об обратном. Автор продумал построение большой книги структурно и по смыслу. Письмо В. Н. Птицына, как нам представляется, по замыслу П. Фёдорова пропедевтически освещает основное направление обзора истории Кольского полуострова. Это письмо некогда руководителя области задает общий тон всей книги, в которой прослеживается неразрывная связь Кольского края с Россией.

В части архитектоники книга в основном выдержана в классических пропорциях. По внутреннему строению текста, что выражается в членении книги на части, здесь — на пронумерованные разделы с подразделами без нумерации, но с хронологическими обозначениями, книга соответствует классическим понятиям архитектоники с логически-смысловой связью элементов. Подразделы состоят из статей с названиями и без нумерации. Разделы книги соразмерны и взаимно подчинены хронологии изложения материала.

Как мы уже отмечали, под переплетом книги «Россия, окружённая водой: обзор истории Кольского полуострова. 1216–1991» скрывается еще одна книга. Вторая книга буквально входит в состав приложения и идет сразу же после графика 7, со страницы 526. В оглавлении название книги приводится, правда, оно не выделено полужирным начертанием, не обозначена нумерация страниц, на которых она размещена, но самое неприятное, что вторая книга включена в приложение к первой. На наш взгляд, это серьезное нарушение архитектоники большой книги и структуры ее построения.

Вторая книга Павла Викторовича «История Трифоно-Печенгского монастыря (1886–1917 гг.)» — известная работа историка, написанная им более четверти века назад. Переиздание этого труда вполне уместное дело. Только нужно было не прятать эту работу в приложение, а, наоборот, выделить и определить ей достойное место как второму произведению. История книжного дела знает такую практику. «История Трифоно-Печенгского монастыря (1886–1917 гг.)» вместе с приложением именно к этой работе размещена на страницах 526–582. Вполне актуальное и познавательное исследование.

Вслед за второй книгой с приложениями размещены интервью с Павлом Викторовичем, которое взял у него кандидат исторических наук Д. А. Герасимов и три рецензии на книгу П. Фёдорова «Между Белым и Баренцевым...» на страницах 583–606.

Завершается большая книга значительным книжным аппендиксом. Это приложения к книге. Книжный аппендикс в данной публикации представляет собой интересную подборку самостоятельных произведений и способен побуждать исследовательское воображение к дальнейшему анализу. Начнем с замечания, которое является следствием нарушения архитектоники книги.

Начало книжного аппендикса лежит в приложении к основной книге, где также расположена вторая книга, интервью и три рецензии. Это неправильно. Аппендикс нужно было начинать в той последовательности, которую задал автор книги, но как самостоятельное приложение, а не приложение к основной книге, где содержится еще и вторая книга.

Таковыми важными приложениями обладает не каждая серьезная научная работа. В книге Павла Викторовича приложения разнообразные и весомые по объему. Это и перечень источников к врезкам [1: 607–608], и список правовых актов государственной власти в отношении Кольского полуострова или отдельных его территорий [1: 609–630]. Специально выделены, но совмещены в одном названии именной указатель [1: 631–668] и географический указатель [1: 669–682], источники и литература [1: 683–721], список сокращений [1: 722–724]. Завершается аппендикс списком произведений П. В. Фёдорова по истории Кольского полуострова [1: 725–726], на который, правда, нет указания в содержании книги.

Еще одно замечание кажется незначительным, но, по нашему представлению, весьма принципиально. Главная претензия к автору и издателю в том, что они не используют, кроме двух или трех крайних случаев, букву «ё». Нам не известно ни одно вразумительное объяснение, которое могло бы оправдать процесс деёфикации русской письменной речи, или попросту неиспользование важной, эмоциональной и безобидной буквы «ё». Однако следует привести мнение кадрового управления Верховного суда РФ о том, что буквы «е» и «ё» являются равнозначными и действительными, если личность человека идентифицируется, и поэтому буква «ё» не является смыслообразующей¹.

Приведем ссылку на письмо Министерства образования и науки РФ от 01.10.2012 № ИР-829/08 «О правописании букв «е» и «ё» в официальных документах», где содержатся все необходимые ссылки: на Академию наук СССР, Минвуз СССР и Минпрос РСФСР, утвердившие в 1956 году «Правила русской орфографии и пунктуации», в котором есть раздел IV «Буква ё»; на статью 3 Федерального закона РФ от 01.07.2005, № 53 «О государственном языке РФ»; на письмо Министерства образования и науки РФ от 03.05.2007 № 159/03, разъясняющие основное правило использования буквы «ё». В письме называется причина искажения записей в документах: «... несоблюдение установленного Правилами требования обязательного использования «ё» в случаях, когда возможно неправильное прочтение слова. Имена собственные (в том числе фамилии, имена, отчества) относятся к этому случаю, поэтому применение буквы «ё» в них должно быть обязательным»². Конечно, это требование в большей степени относится к написанию фамилий и имен в документах, но мы имеем дело с книгой по истории, с серьезным историческим исследованием, пусть даже в жанре обзора, что не умаляет серьезности труда. Как известно, в истории, помимо идей, взглядов, методологии и методов исторических исследований, важна и фактическая сторона дела — точность даты, имени, географического названия и описания события. В рассматриваемом тексте полная беда с написанием фамилий и имен, где должна быть использована буква «ё».

Есть страницы, где из-за отсутствия этой многострадальной буквы случаются искажения восприятия. Неприятный Самый вопиющий случай произошел с фамилией известного мурманского историка и орнитолога Германа Фёдоровича Гёбеля, фамилию и отчество, как понятно из контекста, напечатали без буквы «ё», причем на всех указанных страницах [1: 53; 86–88; 93; 97–99; 184; 221; 637]. При этом верно напечатана фамилия баронессы Ольги И. Кёне (Koehne) [569; 644]. Не смог автор переименовать и реку Ёну, [1: 352; 511; 672]. Но это редкие исключения.

Практически все Фёдоры и Семёны, Фёдоровичи и Семёновичи и даже Пётр Великий в своих фамилиях, именах и отчествах потеряли букву «ё». Так, например, записаны выдающийся русский путешественник — Семенов (Семенов-Тянь-Шанский) Петр Петрович [1: 41; 658], финский лингвист и фольклорист — Леннрот Элиас [1: 53; 608; 648], правда, на страницах 196 и 197 его фамилия написана через букву «ё», что вызывает еще большее непонимание. Букву «ё» потеряли имена и фамилии некоторых других исторических лиц.

Наша последняя заметка касается весьма важного приложения, которому бы точно нашлось место в этом исследовании. Это хронология исторических событий на Кольском полуострове. К сожалению, такого приложения в книге нет, но положение спасает книжное оглавление. Оно отчасти заменяет хронологию исторических событий. Не менее важными могли бы быть приложения с хронологией административно-территориального устройства, пограничного разграничения — демаркации и морской

делимитации (с учетом территориальных и прочих вод), территориальных потерь и приобретений России на Кольском полуострове.

Обзор истории Кольского полуострова, выполненный П. В. Фёдоровым, вполне отражает основные сложные процессы в потоке исторических событий и связывает их между собой внутренними узами и единым событийным канатом с историей России.

В завершение книговедческого анализа можно прийти к выводу, что нам предьявлена книга, которая по сути своей является сборником, а не отдельной монографией или монографическим исследованием. П. В. Фёдоров выступает в этой книге не как автор, а как автор-составитель. Этот сборник включает в себя по крайней мере два монографических исследования с обширным аппендиксом в виде приложений, интервью и три рецензии. В сборнике выявлено серьезное нарушение архитектоники самой большой книги, хотя это может лишь затруднить восприятие исторического материала, а не исказить его. При этом сборник следует рассматривать как веху в региональной исторической науке.

Часть 2. Историко-культурологический анализ

Историографический и собственно исторический анализ процессов и явлений, фактов, персонажей и событий, содержащихся в основном произведении П. В. Фёдорова, мы оставим профессиональным историкам и историографам. Наша задача — выявить социальные связи и отношения, их глубину, направленность или отсутствие некоторых элементов этих связей, которые приведены или опущены в обзоре истории Кольского полуострова.

Ещё раз обратимся к названию книги. «Обзор истории Кольского полуострова». За его «географичностью» скрывается вполне разумная попытка П. Фёдорова уйти от административно-территориальных определений, которых немало имел Кольский край. Кольский полуостров или его части были и волостями, и уездом, и краем, и губернией, и округом, и районами, и, наконец, стал областью. Широкие временные рамки исследования не позволяли сделать выбор в пользу одного из административно-территориальных образований или подчеркнуть одно из них в названии книги. Кроме того, содержание книги представлено в русле метода, которое профессор П. Фёдоров определяет как «новая культурная география».

Ключевым словом в названии книги является «история». Исторические персонажи присутствуют на страницах книги, как и исторические идеи, концепции и воззрения, что насыщает труд научной глубиной и фундаментальной устойчивостью. Понятию «обзор» соответствует достаточно большое количество ссылок на архивные документы, редкие публикации и книги; список источников широк. Ссылки на некоторые публикации в книге даны впервые.

В обзоре немало и впервые публикуемых фотографий, например, фото А. Н. Вертинского [1: 478], первооткрывателя канозерских петроглифов Ю. О. Иванова [1: 111], А. Е. Конкевича-Мурманского [1: 241] и некоторые другие. Впервые также вводятся в научный оборот некоторые документальные материалы, например, письмо Р. А. Муклевича к Б. М. Шапошникову от 28.02.1930 г. [1: 384], архивные документы, подтверждающие привилегии партработников в годы Великой Отечественной войны на получение промтоваров и питания [1: 423], сообщение о фосфорном некрозе у рабочих оборонного предприятия [1: 426] и др.

Мы не берёмся анализировать исторические идеи и воззрения в интерпретации П. В. Фёдорова, но попытаемся проследить связи в структуре той модели истории, которую представил уважаемый автор.

Вначале обратим внимание на особенность мурманского краеведения и исторических исследований, с ним связанных. Она выражена в трудах профессора И. Ф. Ушакова, точнее, в главной его работе — диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук «История Кольского Севера с древнейших времён до 1917 года»³ [2] и двух изданиях монографии, которая основана на материалах диссертационного исследования «Кольская земля». Труды профессора И. Ф. Ушакова построены на первоисточниках, выверены и адаптированы для чтения современным читателем. Необходимость сверяться с источником и в то же время адаптировать информацию

для ясного ее восприятия обусловлена в первую очередь адресатом, которым для автора были школьные учителя и ученики. Эта особенность заложена в диссертационном исследовании И. Ф. Ушакова.

Иван Фёдорович, следуя традиционным установкам советского времени, открывает свой список «Литература и печатные источники по теме диссертации» десятью наименованиями произведений классиков марксизма-ленинизма [2: 399]. Во второй раздел «Документальные материалы» входят тридцать восемь наименований источников [2: 399–403]. Третий раздел списка литературы включает «Теоретические, критические и другие работы, непосредственно не относящиеся Кольскому Северу», и состоит из двадцати одного наименования [2: 403–405]. Четвёртый, самый крупный, раздел «Основная литература, содержащая сведения о Кольском Севере» объединяет триста двадцать семь названий монографий, сборников и печатных работ [2: 405–433]. Замыкает список литературы и печатных источников перечень «Библиографические указатели литературы о дореволюционном прошлом Кольского Севера», состоящий из пяти названий [2: 433–434].

Но это только внешняя часть библиографии и списка источников диссертации. Работа И. Ф. Ушакова, как айсберг, скрывающий основную свою часть под водой, базируется на архивных данных, которые отражены в подстраничных сносках. В диссертации почти на каждой странице даны ссылки на документы, которые хранятся в архивохранилищах или напечатаны в сборниках ГААО (Государственный архив Архангельской области), ГАМО (Государственный архив Мурманской области), ЦГИА СССР (Центральный государственный исторический архив), ЦГАДА (Центральный государственный архив древних актов), Архив ЛОИИ (Ленинградское отделение Института истории), ЧОИДР (Чтения в Обществе истории и древностей российских), Рукописный отдел Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Труды АГСК (Архангельского губернского статистического комитета), Сборник ГКЭ (Грамоты Коллегии-экономии), Сборник РИО (Русского исторического общества). Поэтому П. В. Фёдоров делает ссылки на труды профессора И. Ушакова в общем ряду с архивными источниками.

П. В. Фёдоров в значительной мере повторяет модель исследования И. Ф. Ушакова. Первое, что обращает на себя внимание в обзоре источников, — это описание международных договоров [1: 34–35]. В этом фрагменте последний документ датирован 1918 годом. Описание международных договоров и документов с 1918 по 1991 год, которые бы затрагивали Кольский полуостров, в обзоре П. Фёдорова отсутствует.

Второй момент, который вызывает вопросы, — это обзор периодической печати. Прежде всего, сомнительно слишком резкое и однозначное суждение о том, что «до 1917 г. местных периодических изданий на Кольском Севере не существовало» [1: 43]. При этом издание политической и промысловой газеты «Мурман», печатавшейся специально для рыбаков Мурмана, П. В. Фёдоров не отрицает. Если газета «Мурман» не местное (Кольского полуострова) периодическое издание, то какому региону оно принадлежит? Западная граница Кольского полуострова проходит от Кольского залива по долине реки Кола, озеру Имандра и реке Нива до Кандалакшского залива. Тогда все происходящее, например, в Печенге, на полуострове Рыбачий или в местности, где теперь расположен Ковдорский район, не имеет отношения к истории Кольского полуострова. Если в геополитическом аспекте рассматривать Кольский полуостров как историческую категорию, а не Мурманскую область в ее современном состоянии, то с учетом развития в начале XX века поморской торговли можно расширить пограничную зону тесных социально-экономических контактов не только в российскую сторону (для норвежцев), но и в норвежскую сторону до города Вардё (для русских), где издавалась газета «Мурман».

Кроме того, П. В. Фёдоров, видимо, ориентируясь на докторскую диссертацию И. Ф. Ушакова, указывает, что опубликовано только 13 номеров газеты «Мурман» [1: 44]. Однако в справочнике «Периодика Мурмана» содержится информация о 15 номере указанной газеты [3: 73]. Экземпляр газеты за октябрь 1909 год № 15 находится в Мурманском краеведческом музее, на что указывает хранитель фондов музея К. Я. Коткин.

Вызывает вопрос странная одинаковая финальная дата выпуска некоторых средств массовой информации — 1991 год. Это можно объяснить тем, что само исследование ограничено 1991 годом. Однако у непосвященного читателя складывается ложное впечатление, что некоторые газеты закрылись в один год. Этот казус можно было легко преодолеть, если бы автор книги обратил внимание читателей

на краеведческие исследования, освещающие историю средств массовой информации. Не будем называть как минимум две книги, посвященные этой проблематике, чтобы сохранить заданную П. В. Фёдоровым интригу. На мелких недочетах в описании средств массовой информации [1: 43–46] не останавливаемся.

Разбор этого небольшого фрагмента текста из книги П. Фёдорова показывает, что у автора, наряду с линейным подходом в описании СМИ, присутствует и метод группировки газет, то есть попытка логической типизации. Прежде всего, чтобы отойти от линейного подхода в описании истории некоторых СМИ Кольского полуострова, начнем рассматривать ситуацию с двух сторон. С одной стороны, что в полной мере присутствует во всех исторических повествованиях, это количественные описания СМИ, которые состоят из названия или последовательной смены названий этого периодического издания, даты основания или дат выпуска этой газеты и, возможно, общего количества выпусков номеров этого печатного продукта. С другой стороны, это описание кажущихся качественных характеристик СМИ, которые на самом деле образуют характерный паттерн. Он не является поведенческим, так как речь идет о материальном, но не живом объекте, и в нашем случае уместно говорить о идеологическом паттерне. Поясним гипотетическим примером.

Публикация недельного расписания телепрограмм в газете «Мурманский вестник» не делает эту областную газету специализированной газетой телепрограмм и анонсов телепередач, как и подобная публикация, например, в специализированной газете «Смотрите Всё» является всего лишь поводом для еженедельного выпуска этой газеты. Две названные газеты являют собой примеры двух идеологических паттернов. Идеологический паттерн «Мурманского вестника» можно определить как отражение областной официальной общеполитической и деловой жизни на Кольском полуострове. Паттерн газеты «Смотрите Всё» описывается через определение областной неофициальной развлекательной газеты для всей семьи. Сила или слабость самого идеологического паттерна проявляется, например, в сроках жизнедеятельности того или другого средства массовой информации. Этот же паттерн может выражаться в тиражах или географии распространения. Например, «Мурманский вестник» выходит в свет до сих пор, имея за спиной более чем тридцатилетний период истории, а газета «Смотрите Всё» «почила в Бозе», спустя несколько лет после выпуска первого номера в ноябре 1995 года [3: 107].

Вводя, помимо количественной характеристики СМИ, понятие «паттерн», мы можем отойти от линейного изложения истории СМИ. Мы также можем уйти от ошибки логической типизации, когда в одном «файле» перечисляется вся описываемая периодика. При том, что даже не искушенный в вопросах журналистики Кольского Севера читатель, легко может увидеть СМИ как минимум трех паттернов или трех разнотипных групп периодики, обнаруживших себя в регионе. В качестве пояснения некоторых типов СМИ, используя материал этого фрагмента текста книги П. Фёдорова, можно определить выборочно следующие группы или типы газет: антибольшевистские, официальные партийные, отраслевые профсоюзные, заводские, или, как мы их теперь назвали бы, «корпоративные». Это не единственные типы газет, которые выборочно описывает П. В. Фёдоров. Следует еще раз подчеркнуть, что несмотря на некоторую жесткость в суждениях, оплошности в описаниях газет и игнорирование краеведческих исследований по этому вопросу, автору удается соединить в небольшом отрывке текста своей книги количественные и качественные методы работы историка, что соответствует процедуре исследования линейности и паттернов при описании исторических объектов и событий.

Следующий важный момент — это описание формаций. П. В. Фёдоров делает профессиональный разбор и описание теорий («истории обеднения», «история роста»), дает качественный анализ проблем феодализма [1: 100–103] и указывает на важнейший пробел в проблеме формационной периодизации. Он пишет: «... новая периодизация имела существенный недостаток: приспособленная главным образом к русскому населению, она не учитывала темпы развития саамского общества. Это привело к тому, что исследователями начала конструироваться отдельная, «саамская» периодизация» [1: 104]. Отмечая ослабление классового антагонизма, некоторую коррекцию в историческом методе ученых 1950–1960-х годов и 1960–1970-х, вплоть до возникновения условий идейно-теоретического плюрализма в мурманских исторических исследованиях, автор книги отмечает стремление «... изучать феномен северности и «северное измерение» как особый

пространственный подход» [1: 122]. Сам профессор П. В. Фёдоров как раз был замечен в исследовании северности и «северного измерения», однако в данной обзорной работе он не стал объяснять, в чём именно заключается этот подход. Модель, которой автор придерживается, понятна, назовем ее условно «кольская полуостровная».

Перейдём к описанию основной части книги, собственно обзору истории. Обзор состоит из четырех разделов, каждый из них и, следовательно, весь обзор имеет чёткую хронологическую фиксацию. Мы не будем заострять внимание на каждом из названий разделов — «Присоединение», «Интеграция», «Кризис» и «Реинтеграция».

Прежде чем анализировать основной блок книги П. Фёдорова кратко остановимся на тех моментах, которые вызвали известное неудовлетворение, прежде всего из-за неполного освещения вопроса, оно скрывается за слишком официальной точкой зрения. К таким историческим вопросам истории Кольского полуострова можно отнести, например, возникновение международного торгога [1: 149–150].

Автор относит этот исторический сюжет к 1570–1580-м годам. При этом коннотация события такова, что это чуть ли не плановая работа высшего руководства Московской Руси, сознательный и тщательно спланированный обходной манёвр русской торговой системы, вызванный поражениями в Ливонской войне (1558–1583) и проведённый после глубокого обдумывания того, каким же образом восполнить дефицит торгового баланса русской экономики. Дословно в книге написано так: «В силу того, что Московская Русь во время Ливонской войны не имела удобного порта для международной торговли, Мурманский берег приобрёл торговое значение» [1: 149]. Далее автор продолжает: «В 1570-80-е гг. центр мурманской торговли переместился в Колу» [1: 150]. То, что в Колу переместился центр, спору нет, и то, что торговля стимулировала рост населения с 3 дворов в 1565 году до 71 двора к началу 1580-х годов, — факт исторический. Но вопрос, на который автор ответа не даёт, звучит следующим образом: «А откуда торг-то переехал в Колу?» Ответа нет, может быть, потому, что своё значение международный торг на Мурмане потерял очень быстро. В 1584 году был основан город Архангельск, и «в 1585 г. международный торг был переведён с суровых берегов Мурманского берега в только что основанный город Архангельск...» [1: 155].

Возможно, возникновение международного торгога имеет и другую сторону — датскую. А это означает, что до появления импортных товаров, необходимых для обменных операций, спрос на местные товары так и не проявился бы, следовательно, и возникновение международного торгога в большей степени обязано появлению здесь морских иностранных судов. Конечно же, не будем умалять роль и значение другой стороны обменной торговли, контрагентами которой первоначально выступали саами аборигены, вышедшие на берег океана вслед за своими оленями. Скорее всего, именно так состоялся первый случайный, неплановый обмен, который смог стать систематическим уже на следующий и в последующие годы. Для нас главным является то, что он состоялся между иностранными моряками и местными жителями, которыми оказались саами. А коляне на торге, судя по всему, появились позже, если тех первых русских так можно назвать, следуя хронологии Павла Викторовича, который относит торг к 1570–1580-м годам при том, что не основание, а первое упоминание, начало жизни Колы относится к 1556 году [4: 107].

Мы можем предполагать, что коляне на торг пришли сразу же после саами, потому что в районе полуострова Рыбачий торг был в 1510 году, о чём свидетельствует граффити на шиферной плите на острове Аникиев [5: 46]. Это при том, что в 1510 году датский капитан прибыл в этот район в двадцатый раз! Профессору Фёдорову этот исторический факт, скорее всего, знаком. Анализируя эпиграфические материалы, Павел Викторович указывает на надписи на «... острове Большом Аникиевом у северо-восточной оконечности полуострова Рыбачьего...» [1: 73]. Однако автор книги не находит возможным погрузиться в смысл текстового послания из XVI века.

Одна из первых сюжетных зарисовок об Арктике — «Нерегулярные плавания русских военных моряков в Ледовитом океане» [1: 189–190] — невелика по своим размерам и имеет всего два абзаца. Второй абзац посвящён специальным проектам в Арктике. Фактически через запятую в нем перечисляются три основных события в русских арктических водах — две экспедиции В. Я. Чичагова и гидрографические походы Ф. П. Литке и М. Ф. Рейнеке. Зато первый абзац сразу же устанавливает

наивысшую планку по части русских флотоводцев и святых. Даже перечисление идет по ранжиру. Вначале Ф. Ф. Ушаков, затем М. П. Лазарев и П. С. Нахимов. Вот и вся информация. Как будто бы нерегулярность определяется шестью, бесспорно, гениальными адмиралами, которые станут адмиралами после своих «нерегулярных» плаваний в Ледовитом океане. При этом регулярное строительство торговых судов, военно-морских парусных, а потом и колесных, парусно-винтовых кораблей и пароходов на Соломбальской верфи в расчет не берется. Наверное, сведения о регулярных переходах военных моряков на Балтику и обратно вокруг Скандинавии могли бы опровергнуть мнение о нерегулярности плаваний русских мореходов, не считая поморов, в русских арктических водах. Идея плавания русских военных моряков в Ледовитом океане могла бы в этой книжной статье выглядеть совсем иначе и при сохранении громких имен. Именно регулярные плавания русских и их наблюдения в Арктике вызвали организацию экспедиций В. Чичагова для проверки гипотезы великого М. В. Ломоносова и последующих гидрографических экспедиций военных моряков.

Это только прелюдия, или начало военно-морского научного изучения Арктики. Со временем возникает и другая сторона в исследовании арктических морей, побережий и островов, собственно научное академическое изучение этой географической области Земли. Об этой части научного освоения Арктики профессор П. В. Фёдоров пишет, рассказывая о Мурманской биологической станции [1: 412–413]. Правда, он не дает оценки масштабов той деятельности, которую вела Мурманская биостанция (МБС), не вспоминает ее первых руководителей (А. К. Линко, К. М. Дерюгина, С. В. Аверинцева), Германа Августовича Клюге, при котором станция достигла наибольшего расцвета. Нет ни слова о легендарных судах науки «Персее» и «Николае Книповиче», не говоря о забытых судах «Орка» и «А. Ковалевский». А ведь именно на этих судах ученые, уходившие в свои экспедиции, заложили основы современной океанологии — науки, колыбелью которой были воды Баренцева моря. Эпизодически в трех местах упомянут профессор Н. М. Книпович, как правило, в списках перечисления ученых, через запятую, и совсем не раскрыта его роль в деле изучения Арктики и ее рыбных запасов. Вместо этого нашлось значительное место для познавательного рассказа о юношеских опытах в научных изысканиях о производстве рыбьего жира П. Л. Капицы, будущего лауреата Нобелевской премии [1: 254–255]. Достаточно подробно автор повествует о том, что проекты освоения Арктики «... стимулировали появление в русской общественной мысли новой парадигмы глобального пространства, опирающейся не на традиционно широтный, а на меридиональный формат» [1: 254–255]. И далее речь идет о проекте русского философа Н. Ф. Фёдорова о борьбе с западной угрозой, о строительстве панконтинентальной железной дороги и переносе столицы России на полуостров Рыбачий. Тоже познавательно. Однако возникает ощущение, что автор книги искусственно привязывает лица с известными фамилиями, которые мало причастны к освоению Арктики.

В книге есть страницы, на которых описана фаза превращения Мурманска в крупную базу транспортного флота, создания Мурманского арктического пароходства, разработки угольных месторождений Шпицбергена и начала планомерного освоения Северного морского пути [1: 357–359]. В обзоре отмечен факт учреждения научного центра на Кольском полуострове и сети стационарных научных учреждений [1: 360]. П. В. Фёдоров упоминает о работах военно-морских гидрографов в Арктике [1: 384]. Он заостряет внимание читателя на создании Главного управления Северного морского пути [1: 357], даже приводит ставшую крылатой фразу первого руководителя Главсевморпути профессора О. Ю. Шмидта о том, что Мурманск будет началом Северного морского пути. Однако роль О. Ю. Шмидта осталась недооцененной.

Зато о дважды герое Советского Союза, докторе географических наук И. Д. Папанине у Павла Викторовича есть и фотография, и текст.

О другом сюжете книги, который описывает историю войны в Советском Заполярье, выскажемся предельно ясно. На фоне объективного представления роли и заслуг некоторых официальных лиц, на наш взгляд, слабо раскрыта роль простых фронтовиков и тружеников тыла, недостаточно показан подвиг народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов в Заполярье. Слишком много официального в изложении военных действий в Советском Заполярье. Любая информация меняется, когда она внедряется в официальный текст. Опускаю подробности, чтобы в анализе

описания этого противостояния с фашизмом случайно не задеть память кого-то из наших героев и не обидеть живущих ветеранов и очевидцев.

Теперь предложим несколько иную схему анализа представленного обзора истории Кольского полуострова, что будет соответствовать принципу двойственности при происхождении нового знания.

В основу нашей схемы анализа положим модель, которая похожа на модель устройства троса. Нашу гипотетическую модель назовем условно «тросовым устройством тем и проблем истории Кольского полуострова». Один из видов троса состоит из сердечника, прядей и, возможно, стрендей, оплетающих сердечник. Каждая прядь и/или стрендь, как и сам сердечник, имеет рекурсивную структуру циклического, точнее, спирального типа. Исходя из такой модели, предлагаем рассматривать в качестве сердечника «троса» проблем и тем истории Кольского полуострова саамскую тему, вокруг которой «заплетаются», закручиваются темы межгосударственного разграничения в Лапландии (период двоеданничества) — Кольском уезде — Мурманской области (без уточнений всех административно-территориальных образований), обороны земель Кольского полуострова, принадлежащих русским государствам; государственного строительства (проблемы управления, налогообложения, сословного и классового устройства, социальной политики, культуры, образования и здравоохранения), православного миссионерства и окормления паствы, международных отношений, развития науки и освоения Арктики. Естественно, это не единственный вариант рассмотрения истории Кольского полуострова.

Первое упоминание о саамах после обзора источников и историографических работ находим в подразделе «1216–1517 гг.», в статье «Праландшафт Кольского полуострова»: «... укоренение здесь древних людей, вследствие чего был сформирован праландшафт, ставший колыбелью саамского народа...» [1: 129]; «Последними обитателями праландшафта были местные аборигены — саамы. Со временем, выйдя из него, они приспособились к другим типам ландшафтов» [1: 129]. Новаторская мысль профессора П. Фёдорова о праландшафте свежа и интересна. Последующее ее развитие о том, что саамам еще предстояло приспособиться к другим типам ландшафтов, к сожалению, осталось на уровне контуров и зарисовок. Однако главной удачей автора, как нам кажется, является попытка уйти от чисто количественных показателей, характеризующих жизнь саами, и начать рассматривать жизнь аборигенов через призму меняющихся отношений с окружающей природой и под воздействием новых факторов, к числу которых следует отнести в первую очередь активную деятельность русского населения, борьбы государств (Новгорода — Московской Руси с Норвегией — Данией) и православное миссионерство.

Как следствие всего этого сложного процесса международного противостояния государств России и Дании, введения институтов власти русского государства, возникновения и роста влияния православных монастырей, в конце концов, произошел «Крах двоеданничества и возникновение русского рубежа в Лапландии» [1: 159–163]. Геополитические выводы, оценки международного состояния Кольского Севера и внутривластной ситуации России, которая сказалась и на ходе истории Кольского полуострова, о которых пишет П. В. Фёдоров, не вызывают сомнений. Но ведь речь шла о данническом положении именно саамов. Но нет, саамы — лишь повод, саамы — лишь фон, саамы даже не на вторых ролях, о них — лишь вскользь, и о них фактически никаких выводов. Лапландия есть, Лапландия осталась в документах, а саамы появляются, как правило, в контексте православного миссионерства [1: 169].

Безусловно, важна и интересна история православных севернорусских монастырей. Не менее важны ответы на вопросы: кто, когда и где крестил саамский народ. Вот здесь как раз и выясняется, стало ли крещение саамов в историческом плане состоянием синхронным или продолжает оставаться действием диахронным для каждого поколения саами. В этих понятиях мы не столько придерживаемся строгого соссюровского определения двух этих лингвистических понятий, сколько отталкиваемся от них. На основе текста книги мы не можем сделать однозначного вывода о том, что когда-то безусловное историческое действие русских православных миссионеров, известное как крещение саамского народа, спустя какое-то время стало вполне естественным синхронным состоянием саами. После XVI века, когда зафиксировано крещение саамов, на наш взгляд, в сознании саами XIX века не произошла кристаллизация православной веры. Этот факт определяет такое явление

в социальной жизни саами, как крестование, если внимательно почитать труды профессора И. Ушакова. У П. В. Федорова описание этой коллизии мы не находим. Наверное, поэтому крещение саамского народа следует рассматривать как событие культурного или цивилизационного порядка, принимая во внимание последующее появление крестования.

В результате установления новых условий, имеем в виду крах двоеданничества, должно измениться или начать изменяться социально-экономическое положение саамско-карельско-русского населения. После падения двоеданничества и крещения саамского народа, по нашему мнению, происходит, назовем это условно, «информационное выпадение» саамского вопроса из мурманского краеведения и вообще из русской истории.

Православные саами появились на страницах книги в связи с демаркацией границы между Россией и Швецией в 1826 году [1: 196] и попыткой присоединения Западного Мурмана к Улеаборгской губернии Великого княжества Финляндского [1: 197–198]. Нет саамов и в процессе колонизации Мурмана.

Саами и так жили на побережье и даже соглашались принимать участие в основании колоний на Мурмане или просто записывались в колонисты. Историкам эти факты известны, но происходит какое-то ментальное стирание событий, когнитивная «близорукость», то есть историки «не видят» саамов, так как не могут определить их место в новом для Мурмана деле колонизации. П. В. Фёдоров, однако, четко обозначает, что российских саамов «... некорректно считать новопоселенцами края» [1: 212]. Затем, заняв традиционную позицию, через запятую перечисляет православных участников колонизации, в том числе и саамов [1: 217]. Это написано в контексте процесса колонизации Мурмана, и с этой точкой зрения вполне можно и нужно соглашаться. Саами участвовали в колонизации, значит, они уже аборигенами не считаются, либо это не колонизация. Из известных монографий знаем, что колонизация Мурмана была, а архивные материалы предоставляют данные, что и саами колонистами были. Это корпоративное замалчивание в цеху историков имеет вполне понятное объяснение. Историками еще не достигнута в полной мере терминологическая конвенция по большому и серьезному вопросу о том, что такое колонизация в России в целом и в отдельных регионах, в частности. Поэтому и не удастся определить, какой именно была колонизация на Мурмане и какой статус имели саами, участвующие в ней.

Следует обратить внимание на интересное наблюдение П. В. Фёдорова о культурном ландшафте Мурмана, который складывался на конфессиональной основе. Более того, этот ландшафт вмещал в себя как православную, так и лютеранскую платформы, которые практически не пересекались. «Лютеранский и православный ландшафты на Мурмане в основном не смешивались между собой» [1: 217]. Наблюдение интересно еще и тем, что, по мнению историка, эти ландшафты возникали не на национальной основе, с чем следует согласиться. И в этой правоте мы можем увидеть, как саамский народ, который упомянут в тексте как национальный элемент, растворяется в конфессиональных основаниях, в православной вере.

С чем трудно согласиться, так это с мнением профессора П. Фёдорова: «Структурную основу, или «каркас», движущегося лапландского мира составляли традиционные православные приходы» [1: 228]. Здесь видится некоторое нарушение логики рассуждения. Получается, что само движение лапландского мира задают православные приходы. В XV веке, XIV веке или более ранних веках лапландский мир тоже был подвижным. Скорее всего, можно согласиться с мыслью о том, что «... для самих саамов сезонное движение являлось нормой» [1: 228]. Однако возразим другому высказыванию: «Жизнь в саамских погостах определялась привычкой саамов кочевать по тундре» [1: 228]. Норма — да, привычка (обычай) — слишком поверхностная характеристика, когда речь о жизнеобеспечивающем занятии. Однако заключительную мысль автора книги о том, что «... на территории саамских погостов возникла сеть православных приходов...» [1: 229] примем однозначно.

Идею о структурном проникновении православия, точнее, элементов и институтов православия в саамскую жизнь, можно принять как перспективу последующего мироустройства саамского народа [1: 228–230]. Истории известны факты участия саамов в обустройстве православия

на Кольском полуострове, но позволим выразить сомнение по поводу глубокого принятия православия саамами, их ментального восприятия православных идей.

П. Ф. Фёдоров пишет: «... кочевала паства — кочевали священнослужители. Подобный образ жизни не только не противоречил, но даже находил параллели в местной агиографической традиции: “лопарский апостол” преподобный Трифон Печенгский, причисленный Церковью к лику святых, согласно своему житию, скитался по тундре в поиске своих духовных чад и спасался от языческого гнева в укрытиях» [1: 229]. Это событие, проповедь и последующее прославление преподобного Трифона свидетельствуют в пользу иерофании. Иерофания (по М. Элиаде) как проявление священного, как расширение христианского понятия теофания или богоявление. Теофанических действий на Кольском полуострове, насколько нам известно, отмечено не было, но иерофания имела место и, возможно, еще случится.

Церковные действия прославления святых, действовавших на Кольском полуострове, — важный показатель сакрализации пространства, в котором и рядом с которым проживает человек. Сакральное пространство — местообитание божественного. Здесь-то и сокрыт подвох. Крещение саамов, монастырское и церковное строительство, окормление паствы — дел богоугодных сделано немало, но пространство, имея количественные показатели, обязательно сказывается на качественных факторах — отношениях и между людьми, и к самому окружающему их пространству. Иерофания создает условия осознания ценностной неоднородности материального пространства и времени. В нашем случае православию противостоит саамское язычество, представленное в подавляющем множестве не духовных феноменов, но сакральных — священных горах и магических знаках на них, зачарованных озерах и запретных островах в этих водоемах, но главное — в огромном количестве сейдов. В этом противостоянии православие, к сожалению, оказывается в меньшинстве. Если бы не двойное сосуществование православия и язычества, то иерофания не смогла бы выявить различия в материальных позициях двух идеологий. Как известно, начиная с двойственности, когда срабатывает простейшая ментальная функция сравнения, можно улавливать различия, что дает основания когнитивному развитию.

Саамская тема еще не раз появится на страницах книги, но чем ближе конец повествования, тем реже и реже саамов вспоминает автор. Возможно, это происходит из-за уплотнения истории и частоты исторических событий, происходивших на Кольском полуострове, но может быть и по другой причине: нежеланию замечать аборигенов Лапландии. Как справедливо указал профессор П. Фёдоров, в разные годы и эпохи в центре по отношению к Северу нередко наступает дефицит осознанности. «Возникший внезапно «мурманский кризис» 1922 г. предвещал для этой северной окраины локальную социальную катастрофу... Его непосредственной причиной послужила нехватка осознанности для поступательного движения России на Север» [1: 327]. Видимо, по этой же причине происходило «когнитивное исчезновение» саамов в сознании высоких чиновников и администраторов.

Всё же роль и участие саамов были отмечены в книге. Однажды представители саамов обратились с просьбой к властям, и просьба их была услышана. Правительственный документ, принятый по просьбе саамов, был утвержден Николаем II [1: 220]. Саамы, наряду с представителями других национальностей, принимали участие в строительстве Мурманской железной дороги [1: 262].

Саамская тема вновь появляется в связи с созданием колхозов и массовой оседлостью саами в 1920-х–1930-х годах [1: 356]. Затем внимание читателей обращает на себя победный релиз в форме сборника очерков о том, как «большевики победили тундру», 1932 года выпуска [1: 375]. А завершается саамская проблематика 1930-х годов стандартным апогеем внимания властей к саамского народу в виде ужасных репрессий. В 1938 году органами НКВД было сфабриковано дело о «саамской контрреволюционной повстанческой шпионской диверсионно-террористической организации», которая якобы ставила целью создание «Саамской республики» [1: 408–409].

Редко кто из исследователей увязывает проблему национально-территориального устройства страны с активной незаконной деятельностью органов НКВД в 1930-е годы. На наш взгляд, отдельного внимания заслуживает проблема национального устройства в рамках Мурманского округа Ленинградской области – Мурманской области. Но автор книги не придал этому значения

и, наверное, поэтому оставил вопрос без внимания. Так уж получается в истории Кольского полуострова, что самая безобидная и коренная часть населения Лапландии чаще всего становится обижаемой.

Далее, с 414 по 474 страницы в книге о саамах нет ни слова. Читая главу, посвященную Великой Отечественной войне (1941–1945 годы), можно убедиться, что саами участия в войне не принимали [1: 414–435]. Так же, как и не было подвига Б. Ф. Сафонова и других летчиков, А. Ф. Бредова и пехотинцев, подводников, катерников, морских пехотинцев и разведки Северного флота. К чести автора, нужно отметить, очень уместно рассказано о трудовом подвиге в годы войны М. Г. Вагановой [1: 432–433], но нет ничего о трудовых и боевых буднях саамов. Даже если бы был один единственный саам со своим боевым оленем, с которым он доставил бы на фронт хоть горсть патронов, то об этом нужно было бы писать всегда и везде. Нам же известен вклад в дело победы трех армейских оленно-транспортных рот, мобилизованных в Мурманской области, и двух оленно-лыжных бригад, отправленных на Карельский фронт.

В главе о войне нашлось место упомянуть, правда, с неточностью, норвежских и финских патриотов [1: 425]. Хотя, на наш взгляд, они, скорее, антифашисты.

Наконец в статье «Трансформация культурных ландшафтов» автор вспоминает саамов в связи с одним из главных последствий урбанизации: «исчезновение традиционных форм проживания аборигенов края — саамских погостов» [1: 474–475]. В этой связи ранее приведенная мысль о централизации саамского мира в селе Ловозере подкреплена наблюдением о возникновении железнодорожных станций «вблизи саамских жилищ» [1: 265]. Это свидетельство того, что урбанизационный импульс развития нашего края был вызван прокладыванием железной дороги, которая привела к изменению ландшафта Кольского полуострова, с чем не поспоришь. Однако и здесь история саамского народа как бы отсутствует, не находя отражения в обзоре истории Кольского полуострова.

В заключение рассмотрения саамской темы в обзоре истории Кольского полуострова уточним, что о саамах автор вспоминает ещё три раза. На странице 488, когда делает выводы о двоеданничестве саамов, и на странице 489, когда саамы появляются в характеристиках исторических этапов. На втором этапе — «(1517–1573 гг.) — начало приобщения саамов к русской вере», и на пятом этапе (1589–1613 гг.), когда в качестве одной из его характеристик названо «падение двоеданничества саамов» [1: 489].

Если следовать модели «тросового устройства», то история саамского народа получается какая-то прерывистая, временами исчезающая совсем, хотя этот маленький, спокойный и терпеливый народ жил в своей прекрасной Сапми до нас, с нашими пращурами и живет в наше время. Мне можно возразить, что за сердечник нашей модели можно принять, например, проблематику истории освоения Арктики или, что часто и оригинально встречается у профессора Фёдорова, изменение и обустройство культурного ландшафта пространства Кольского полуострова. Да, такие подходы возможны и интересны. Однако они имеют сильную отраслевую направленность.

Предложенный вариант, когда сердечником представлена история саамского народа как аборигенного, то есть от начала идущего или коренного, представляется наиболее историчным, как и русская история о русском заселении и обустройстве Кольского полуострова, которая уже написана и фактически отражена в обзоре уважаемого автора. Это, на наш взгляд, единственное методологическое противопоставление саамской истории русской, когда саамская история не стала сердцевинным сюжетом истории Кольского полуострова. В рецензируемой книге с теми или иными потерями присутствует синхронная история саамского народа, что и должен отражать обзор истории. Диахронная история за редкими проблесками в обзоре практически отсутствует, что, видимо, тоже отражает состояние исторической науки по данной проблематике.

Заключение

Обзор как вид жанра представляет собой обобщение и некоторые итоги, описание или рассмотрение чего-либо, как правило, со ссылкой на некие первоисточники. При этом собственное мнение составителя обзора, несмотря на недюжинную долю аналитики, теряет свою актуальность,

а порой становится бессмысленным, так как это не монографическое исследование на узкую тему. Мы отметили полемические отступления автора книги, которые он заочно ведет с профессором И. Ушаковым [1: 104; 1: 117; 1: 179; 1: 206]. П. В. Фёдоров высказывается как оппонент по некоторым воззрениям доктора исторических наук С. А. Никонова [1: 148] и не соглашается с определенными точками зрения молодых историков Е. И. Михайлова [1: 368], О. В. Миколук [1: 411] и др. Но эти споры-рассуждения не играют большой роли в книге. Обзор — он, как зеркало, что отразилось, на то и смотрите.

История основывается не на полном собрании фактов и тем более документов, а лишь на известных. Обзор истории использует еще один уровень избирательности, что видно при простейшем просмотре списка литературы и источников в работе П. В. Фёдорова. Неполнота описанной истории относится только к рассматриваемой книге, это общее состояние среды, в которой работают историки, и той информации, которой все они обладают.

Перед читателем первый такой обзор истории Кольского полуострова, охватывающий огромный временной период, и самостоятельное явление в региональной историографии. Наряду с известными истинами, в книге присутствуют, точнее, названы новые факты, и вместе с известными подходами к изучению истории проступают новые пути ее исследования. Этот обзор представляет собой возможный вариант осознания и понимания истории Кольского Севера, завершённое, научно обоснованное высказывание историка. Книга стала историческим событием мурманского краеведения, а ее текст частью общероссийской текстовой потоковой истории.

Список сокращений

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РФ — Российская Федерация

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

Примечания

¹ Верховный суд уравнил буквы «е» и «ё» в фамилиях. — 15.09.2009 // Сетевое издание «Вести.Ру». URL: <https://www.vesti.ru/article/2252412> (дата обращения: 02.02.2022).

² Письмо Министерства образования и науки РФ от 01.10.2012 № ИР-829/08 «О правописании букв «е» и «ё» в официальных документах». URL: <https://docs.cntd.ru/document/499028115> (дата обращения: 02.02.2022).

³ Докторская диссертация И. Ф. Ушакова оказалась в Мурманской государственной областной универсальной научной библиотеке и стала доступна читателям благодаря стараниям профессора П. В. Фёдорова.

Список источников

1. Фёдоров П. В. Россия, окружённая водой: обзор истории Кольского полуострова. 1216–1991 = Russian Surrounded by Water: an Overview of the History of the Kola Peninsula. 1216–1991 / Межд. банк. ин-т им. Анатолия Собчака, науч. лаб. геокультурных исследований и разработок. СПб., 2021. 726 с.
2. Ушаков И. Ф. История Кольского Севера с древнейших времён до 1917 года. 07.00.02 – история СССР: дис. ... д-ра ист. наук. Мурманск, 1978. 434 с.
3. Циркунов И. Б. Периодика Мурмана: краткий справочник средств массовой информации Мурманской области / И. Б. Циркунов. Мурманск: Кн. изд-во, 2008. 184 с.: ил.
4. Ушаков И. Ф. Кольский Север в досоветское время: ист.-краевед. слов. Мурманск: Кн. изд-во, 2001. 336 с.: ил.
5. Маноцков В. И. Очерки жизни на Крайнем Севере. Мурман. Архангельск, 1897. 191 с.: прилож., карт., табл.

References

1. Fedorov P. V. *Rossiya, okruzhonnaya vodoi: obzor istorii Kol'skogo poluostrova. 1216–1991* = Russian Surrounded by Water: an Overview of the History of the Kola Peninsula. 1216–1991 [Russian Surrounded by Water: an Overview of the History of the Kola Peninsula. 1216–1991]. St. Petersburg, Mezhd. bank. In-t im. Anatoliya Sobchaka, nauch. lab. Geocul'turnyh issledovaniy i razrabotok, 2021, 726 pp. (In Russ.).
2. Ushakov I. F. *Istoriya Kol'skogo Severa s drevneyshih vremen do 1917 goda.* [The history of the Kola North from ancient times to 1917]. 07.00.02 – istoriya SSSR. Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk. [07.00.02 - the history of the USSR. Dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences]. Murmansk, 1978. 434 p. (In Russ.).

3. Tsirkunov I. B. Periodica Murmana: kratkiy spravochnik sredstv massovoy informatsii Murmanskoy oblasti [Periodical Murman: a brief reference book of the media of the Murmansk region] / I. B. Tsirkunov. Murmansk: Kn. izd-vo. [Murmansk: Book Publishing House] 2008. 184 p.: ill. (In Russ.).
4. Ushakov I. F. Kol'skiy Sever v dosovetskoe vrevya: Ist.-kraeved. slov. [Kola North in pre-Soviet times: Dictionary of History and Local Lore]. Murmansk: Kn. izd-vo. [Murmansk: Prince. Publishing House]. 2001. 336 pp.: ill. (In Russ.).
5. Manotskov V. I. Ocherki zhizni na Kraynem Severe. Murman. [Essays on life in the Far North. Murman]. Arkhangelsk, 1897. 191 p.: appendices, maps, table. (In Russ.).

Информация об авторе

И. Б. Циркунов — кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

I. B. Tsirkunov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 08.08.2025; одобрена после рецензирования 11.09.2025; принята к публикации 20.09.2025.
The article was submitted 08.08.2025; approved after reviewing 11.09.2025; accepted for publication 20.09.2025.